

Даниэль Вайс*
(Цюрих)

ТИПЫ АВТОРЕФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

A b s t r a c t. In this paper I distinguish four different types of how the speaker can refer to himself: (i) direct, (ii) indirect, (iii) inferential and (iv) inclusive ego-reference. These types encompass manifold subtypes, most of which are illustrated by examples from colloquial Russian and related genres such as diaries, memoirs, personal letters, and interviews. Special attention is given to ellipsis and zero lexemes as a source of ambiguous reference, to the lexeme *čelovek* as a marker of empathy and to ego-referential expressions that are to be found exclusively in Russian.

К л ю ч е в ы е с л о в а: автореференция, разговорный русский язык, эллипсис, инклюзивная референция, косвенная референция, инференциальная референция, инклюзивная референция

Вводные замечания

Референциальная характеристика именных групп в предложении или тексте рассматривается философами языка и вслед за ними лингвистами уже несколько десятков лет. В частности, классификация денотативных (или референциальных) статусов обсуждалась уже во многих работах, в том числе в (Падучева 1985; Шмелев 1996). Тем не менее до сих пор отсутствует всеобъемлющая и общепризнанная классификация, терминология в этой области весьма разнородна, и другие аспекты совсем слабо изучены. Последнее касается, напр., лексикографического отражения денотативных статусов, т. е. описания референциальных «дефектов» в словарных статьях лексем, таких как *получатель*, *отправитель*, *оба / обе*, *этот* (в качестве анафорического существительного) и т. п.

В настоящей статье освещается вопрос, какими референциальными свойствами может обладать отсылка говорящего к самому себе. Она является естественным продолжением работы (Weiss 2008), которая была посвящена анализу автореференциальных возможностей личных местоимений в русском языке. Подытоживая ее результаты, можно констатировать, что все 8 местоименных лексем — *я*, *ты*, *он/она/они*, *мы*, *вы*, *вы 2* (вежливая форма), *ты 2*

(обобщенно-личное *ты*) и *о_люди* (неопределённо-личная форма) — могут служить для обозначения говорящего либо автора, если принять в расчет не только прямые, но и разные косвенные виды автореференции. Так, употребление 3-го лица в данной функции представлено дважды — в виде названия фамилии говорящего и анафорического местоимения — в примере

- (1) Вы можете сказать, что *Хрущев_i* повторяется, что на эту тему *он_i* уже говорил. Однако, товарищи, *я_i* *прошу*, отнеситесь ко *мне_i* снисходительно: ... (Н. С. Хрущев. К победе разума над силами войны, 67 сл.).

1-е лицо мн. встречается, напр. в разговорах матери с маленьким ребенком:

- (2) Сейчас *мы* *сварим* тебе кашку (Булыгина, Шмелев 1997; 329).

3-е лицо мн. указывает на говорящего в фразеологических оборотах типа *Тебе/Вам говорят* либо *Вам звонят / вас беспокоят из...* Кроме того, встречается прагматическое смещение обозначения как говорящего, так и адресата в примерах вроде

- (3) Его по-человечески *просят*, а он сразу в крик!

И, наконец, употребление 2 л. ед. и мн. появляется в (довольно тривиальной) ситуации цитаты прямой речи, адресованной говорящему, или в диалоге последнего с самим собой.

Из сказанного явствует, что виды непрямого обозначения *я* говорящего или пишущего весьма разнородны. Для их описания требуется подходящая понятийная сеть. Для целей данной статьи различаются четыре типа автореференции: 1) прямая, 2) косвенная, 3) инференциальная и 4) инклюзивная автореференция. Поскольку не все названные термины «говорят сами за себя», они нуждаются в комментариях. Соответствующие разделы упорядочены по уменьшающейся степени прозрачности референции.

1. Прямая автореференция

Самый основной тип автореференции охватывает три способа реализации: местоимения *я*, *мой/свой* и эллипсис. Кроме того, сюда же относятся и экзотизмы, характерные для разных шуточных или социально ограниченных употреблений вроде державного *мы*, *мы* скромности и неэллиптического *моя*. Эллипсису могут подвергаться оба местоимения *я* и *мой*, причем условия его употребления в этих двух случаях радикально разные. Возможность опущения *я* зависит прежде всего от синтаксической роли, функциональной разновидности и жанра речи. Поскольку существует уже богатая литература о внутрифразовом эллипсисе, особенно при сочинительном сокращении, здесь

будут обсуждаться межфразовый эллипсис подлежащего и дополнения в современной разговорной речи.

Опущение подлежащего в русском языке освещалась уже во многих работах, особенно принадлежащих перу поклонников порождающей грамматики: этих авторов в первую очередь волновал вопрос, относится ли (и если да, до какой степени) русский язык к языкам *pro-drop*, см. обзор этой литературы в (Meуer 2009). Эта дискуссия велась, однако, почти исключительно на основе письменного материала, а особенности спонтанной разговорной речи при этом вовсе не учитывались. С другой стороны, среди теоретиков русской разговорной речи давно было известно, что здесь «характерны построения с нереализованной валентностью (прямой и обратной) одного или нескольких членов» (Земская 1987: 142)¹, но как раз эллипсису подлежащего уделялось мало внимания. Было уже установлено, что межфразовый эллипсис в отличие от внутрифразового (Weiss 1993: 61) имеет подчеркнуто разговорный характер (Nichols 1985; Berger 1989); таким образом, можно было предполагать, что частотность эллипсиса в РРР превышает частотность в КЛЯ, но эмпирически эта гипотеза никогда не подвергалась проверке. Только в (Seo 2001), и особенно в (Zdorenko 2009), приводились подтверждающие ее данные. В последней работе впервые использовался материал из Национального корпуса русского языка. Каковы ее результаты? Во-первых, частотность эллипсиса подлежащего в РРР действительно оказалась самой высокой по сравнению со всеми остальными анализируемыми жанрами (включая и другие устные жанры — интервью, пресс-конференции, научные лекции): в РРР она составляла 29 %, доля же местоименных форм — 71 % (Ibid.: 127). Во-вторых, наблюдается перевес дейктически обусловленного эллипсиса над анафорическим, или иначе: первого и второго лица над третьим. Автор объясняет это с помощью иерархии топикальности по Гивону: участники разговора занимают на этой иерархии более высокую позицию, чем остальные референты, что объясняется их заданностью в текущем диалоге. К этому выводу склоняют и мои собственные подсчеты².

Работа (Zdorenko 2009) имеет, однако, и свои недостатки. Так, она совсем не учитывает факт присутствия или отсутствия маркера (окончания) категории лица при сказуемом. В самом деле, с типологической точки зрения не безразлично, опускается ли подлежащее при претеритной форме, как в *ø_i Ву-*

¹ Обширнее об этом (Weiss 2012), где это тяготение РРР к нулям интерпретируется как проявление тенденции говорящих к минимальной кодировке грамматически нужной информации.

² С другой стороны, они противоречат результатам, полученным при изучении исторического развития эллипсиса: как отмечается в (Meуer 2009), доля нереализованных позиций 3-го лица чем позднее, тем более превышает долю отсутствующих подлежащих в первом и втором лицах.

дел (как \emptyset_j выпендривается) либо при сказуемом-прилагательном, ср. \emptyset_i *Уверен, что \emptyset_j срежется!*, где информация о грамматическом лице вообще не выражена, или при форме презента, где утрата подлежащего компенсируется глагольными окончаниями. По моим подсчетам, это различие вовсе не влияет на распределение эллипсиса в PPP, иначе говоря: PPP свободно допускает и полное отсутствие информации о грамматическом лице. Этим PPP, несомненно, отличается от КЛЯ³. Легко предвидеть, что таким образом возникнут многочисленные потенциально дву- или даже многозначные случаи, в том числе и не затрагивающие автореференции; это подтверждают и мои собственные наблюдения, см. (Weiss 1993: 70; 2008: 368). В (Zdorenko 2009), однако, вообще не упоминается о такой возможности. Ниже приводится ряд примеров, допускающих в принципе двоякую референциальную интерпретацию, причем они взяты из жанра, который по определению должен быть особенно чувствительным к автореференции, — из дневника⁴. Выбранный текст буквально напичкан такими употреблениями эллипсиса, где конфликтуют два разных антецедента (автор, здесь обозначенный символом \emptyset_i , и другое лицо \emptyset_j) с одинаковым грамматическим оформлением; следовательно, только наше знание о мире или о языке (нп. о возможных актантах данного предиката) способно разрешить референциальный конфликт.

- (4) \emptyset_i Спрашиваю, что конкретно? \emptyset_j Говорит: миски, ложки, вилки. Не ржавеет, и с медицинской точки зрения полезно. \emptyset_j Просил поддержать. \emptyset_i Обещал поддержать (Л. Берия. Тайный дневник 1941—1945. М., 2011⁵ 7/ XI-44).
- (5) Потом Коба $_j$ пригласил к себе поужинать. \emptyset_j Сказал хороший тост. \emptyset_i Только что вернулся. 26/ V-44.
- (6) \emptyset_i Договорился с Кобой $_j$, что замом \emptyset_i назначаю Аркадия. [...] Коба $_j$ сказал: «Но чтобы товарищ Масленников не обиделся, пусть пока остается у тебя $_i$ замом». \emptyset_i Спорить не стал. То не было ни одного зама, теперь два, зато один действующий. 10/III-42.

³ По результатам, изложенным в (Maueг 2009), то же самое верно и для исторического развития эллипсиса подлежащего.

⁴ В выдержке из НКРЯ, который лежит в основе работы (Zdorenko 2009), этот жанр не представлен.

⁵ На самом деле этот источник, по всей видимости, фальсификат, сфабрикованный его мнимым издателем Кремлевским, см. на этот счет многочисленные высказывания в блогах вроде <http://nmm-club.ru/forum/viewtopic.php?t=399366>. Для наших целей этот вывод маловажен: наш предмет — не характеристика идиостилей индивидуальных авторов, а жанра дневника как такового, и в этом отношении данный текст именно благодаря своей подчеркнутой разговорности вполне годится, т. е. не нарушает общих правил жанра.

Но эти фрагменты показательны не только отсутствием маркировки первого лица, но и сменой референции эллипсиса в последующем предложении: если, напр., в (5) в предыдущем предложении подлежащим был Коба (т. е. Сталин), то *Только что вернулся* опять относится к автору дневника. Здесь, видимо, не срабатывает принцип интерпретации по умолчанию: «если не указано противоположное, предыдущее подлежащее-тема продолжается в новом предложении», но и общий принцип, что в дневниках автор всегда является самым привилегированным референтом, не остается в силе. Ничего удивительного, что комментатору иногда приходится разяснять возможную двузначность⁶. Добавим, что это халатное отношение к однозначной референции имеет древние корни: как показывается в (Weiss 2012), оно наблюдается уже в Жизнеописании Аввакума, т. е. еще одном тексте автобиографического характера с подчеркнуто разговорной стилизацией.

Подводя итоги, следует констатировать, что выбор нулевого варианта — не самое надежное средство для однозначной автореференции. Для полноты картины следует еще указать на другие письменные жанры, такие как личное письмо или ведомственный бланк, которые также тяготеют к нулевому выражению первого лица.

Эллипсис местоимения первого лица встречается также при дополнении, ср.:

(7) Хоть и сложно там, \emptyset_i немного отдохнул. Даже \emptyset_i отоспался. А сегодня товарищ-Сталин взорвался и в присутствии Вячеслава, Анастаса и Георгия назвал \emptyset_i змеей в очках. 5/IV-43.

Условия этого типа опущения пока слабо изучены, ср. (Berger 1989; MacShane 1990). Не подлежит, однако, сомнению, что и здесь не исключена двузначная референция, ср. «Весь конец декабря одна запарка. Хорошо, хоть Новый год встретить дома Коба \emptyset_i отпустил» (кого отпустил? Только *меня*, т. е. Берию, или вообще *нас*, близкое окружение Сталина?) [14/I-43].

Опущению может подвергаться и выражение посессора, будь то притяжательного прилагательного типа *мой, ваши, Надин* и т. п., будь то именной группы в генитиве. Литература на эту тему весьма скудна: кроме кратких соображений, изложенных в (Шмелев 1998: 171—174; Mikaelian 2002: 112—114; Рахилина 2010: 296—297), мне не известны другие работы. Тем не менее и в этой области могут возникнуть референциально двузначные высказывания, причем именно говорящий оказывается в привилегированной позиции, ср.:

⁶ Ср.: «Мыкыта про себя наверно кривился. А я ему напомнил про постановление по националистам. Коба на него взглянул, сразу закивал головой» со сноской: «Надо понимать — Хрущев закивал, Сталину было кивать не с чего». 15/12/1945.

- (8) А. От него дяди сохранилось письмо/ адресованное \varnothing_i матери // Б. Их ведь не одно было // публиковались же А. *Его_i маме!* а не моей // (Русский язык в его функционировании I, 37).

Остается выяснить, действует ли при опущении посессора та же иерархия топикальности, о которой выше шла речь в связи с опущением подлежащего. Как отмечено в (Шмелев 1998: 171—172), здесь наблюдается систематический конфликт между первым и вторым лицами, ср. высказывания вроде *Расскажите это \varnothing_i жене!* допускают в принципе двоякую интерпретацию (*моей* либо *вашей / своей*), если данная особа не присутствует при разговоре и до этого еще не была введена. Вопрос эвентуального первенства первого лица нуждается, однако, в эмпирической проверке.

Остальные типы прямой автореференции имеют маргинальное значение. О ‘*мы скромности*’ ср. (Норман 2002). Местоимение *моя*, как и его соответствие *твоя*, представлено не только в шутливой фразе *Моя твоя не понимает*, а служит также для стилизации неграмотной речи нерусскоязычных «аборигенов», ср.:

- (9) В пограничной засаде сидит чукча и чутко прислушивается к звукам. Вдруг тишину ночи нарушает всплеск. Плышет лодка. Чукча из засады кричит:
— Стой! Говори пароля!
Но неизвестный молча продолжает грести.
— Стой, говори пароля, — опять кричит чукча, — а то *моя твоя* стреляет.
Из темноты в ответ несется:
— Да пошел ты к...
Чукча облегченно вздыхает.
— Вторая год служу на границе, а пароля все та же.

Следует, однако, отметить, что именно форма *моя* (наряду с *я*) и реально представлена как в Russenorsk, так и в кяхтинском пиджине, т. е. в исторических пиджинах, возникших из русско-норвежского и русского-китайского контакта (Lunden 1978; Broch, Jahr 1984; Neumann 1966; Nichols 1993). Неясно, обусловлено ли это большей четкостью женского варианта: небезынтересно в этой связи, что и в английских пиджинах выступают *me*, *tu* и даже *mine* как эквиваленты *I* (Mühlhäusler 1986: 158).

2. Косвенная автореференция

Под косвенной автореференцией в этой статье подразумеваются две ситуации: это определенная дескрипция, состоящая а) из указывающего на говорящего притяжательного местоимения и именной группы, б) его собствен-

ного имени либо фамилии. Названные два подтипа могут и сочетаться. Если данная ИГ занимает позицию подлежащего, сказуемое выступает в 3-ем лице. Косвенная стратегия — самый разнородный тип автореференции, поэтому не все ее подтипы будут здесь обсуждаться с одинаковой подробностью.

Местоименный тип иллюстрируют *моя особа / персона*, фольклорное *моя головушка* или (из одной берестяной грамоты) *моя худость* (Зализняк 1995: 229). Оттенок, вносимый единицами *моя особа / персона*, не всегда однозначно уловим:

- (9) Первый удар из числа им задуманных он решил нанести по украинской парторганизации. Я полагал, что он развивал это дело с тем, чтобы втянуть туда и *мою персону* (Н. С. Хрущев, Воспоминания).

Но говорящий может также определить себя по отношению к адресату, и тогда местоимение первого лица сменяется вторым лицом. Это происходит, к примеру, в случае общеизвестной шуточной формулы скромности *твой/ваши покорный слуга*, излюбленной, напр., В. В. Путиным. Здесь уместны существительные, описывающие родственные или социальные отношения, ср. (из писем А. Чехова) *твой талантливый брат А. Ч*, *tuus fraterъ*, *твой лысенький супруг*, *почитай своего мужа*, *Твой муж и покровитель*, а также обозначения переходящих состояний, действий и т. п., как (*Не сердись на*) *своего рыболова* или (из писем Ю. Даниэля из лагеря) *Князь Рукавишников*, *ваши корреспондент из артели «Шейте сами»*, *Ваши Ю.*, он же — *дон хиль-утепленные штаны*, он же — *узник Железная Миска* (Даниэль 2000). При этом адресат может опять элидироваться, ср. *помни о ѳ; старике-отце*, *душевно преданный ѳ; дебиант Антуан Чехов* при $\varnothing_i = \text{твоем} / \text{тебе}$.

Последний пример показывает одновременно вариант с собственным именем, который выступает вместо местоименного шифтера. С помощью этого приема автор может включить себя в ряд однородных референтов, ср.:

- (10) Доктор Средин тоже все болеет; чахотка отошла на второй план, а теперь мучает его нефрит, т. е. воспаление почек. Доктор Алексин похудел и постарел. *Доктор Чехов* влюблен в свою супругу и страдает расстройством кишечника. 7.4.1904.

Но он позволяет автору также как будто отмежеваться от самого себя:

- (11) И то, что я старался быть порядочным в течение года, отнюдь не снимает всех претензий, которые можно предъявить (и которые я предъявляю) *к 39-летнему Юлию Даниэлю*.

В следующем примере анафора, построенная по данному образцу, отсылает к цитате, принадлежащей третьему лицу:

- (12) И что он про меня трепался? Ты напиши, если удобно. Мне ведь интересно. Я сейчас коллекционирую «рассказы о Даниэле» — очень много любопытного узнал об *этом типе* (Даниэль 2000).

В связи с этим напомним, что в развитии детской речи самоназывание по имени в виде *Боря хочет, Настя сама!* обычно предшествует появлению личного местоимения *я*. При этом встречаются и придуманные ребенком имена, ср. *Ой ! / Ёне (= Аня + Ежик) соку оставьте / она совсем не пила!* (Знаадворова 2003: 307). И, наконец, сюда же примыкают всякие псевдонимы, клички и ники, употребляемые самими носителями, независимо от того, кто их придумал и к какой социальной сфере (политическое или партизанское подполье, органы безопасности, художественные) или электронной коммуникации (чаты, блоги, фейсбук и т. п.) они относятся.

Автореференция посредством собственного имени или фамилии особенно характерна для политиков любой политической (и, кажется, также национальной) принадлежности. Поэтому не прав был (Добренко 2000: 651), который по поводу нижеприведенного примера пишет: «Думать и говорить о себе в третьем лице стало не просто грамматической привычкой, но особенностью сталинского мышления»:

- (13) Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на *товарища Сталина*. Можете рассчитывать на то, что *товарищ Сталин* сумеет выполнить свой долг перед народом, ...

Если бы этот тип автореференции действительно свидетельствовал о «раздвоении личности» (Там же), то политический мир буквально «кишел» бы шизофрениками. На самом деле этим же приемом (с *товарищ* или без) пользуются, например, Н. С. Хрущев (см. вышеприведенный пример 1), М. С. Горбачев и Л. Валенса, а также многие современные политики. Суть его заключается в принятии чужой перспективы: или (как в примере 13) избирателей, или политического противника (так бывает чаще всего у Хрущева). В первом случае он служит средством для заискивания, в последнем же — полемическим целям, как показывает следующая выдержка из интервью с А. Чубайсом:

- (14) Тут недавно Московская областная дума обсуждала вопрос о том, чтобы снести все коттеджи, построенные на берегу Истринского водохранилища, в том числе и Ваш. Чем все закончилось?
— Знаете, *дача Чубайса* на водохранилище стала, наверно, второй по популярности темой сплетни и слухов после золотых зубов моей собаки. Всем особо интересующимся сообщаю, нет у меня дома на Истре и вообще на берегу какого-либо водоема. [...] (*Чубайс*, Комсомольская Правда в Европе, 26.9.2003).

И, наконец, автореференция может реализоваться посредством названия роли, выполняемой автором. Так бывает в определенных жанрах, таких как научная работа (*автор*) или юридические документы (*истец, ответчик, свидетель*).

3. Инференциальная автореференция

Ярлыком инференциальности здесь будут обозначаться такие случаи, где автореференция говорящего / автора порождается путем какого-либо вывода; чаще всего это грайсовская разговорная импликатура. Данная именная группа тогда обычно функционирует как неопределенная дескрипция, как в следующем примере, где предыдущий контекст подсказывает корректную расшифровку:

- (15) Таким образом, что мы видим на этой интересной картинке? На этой интересной картинке мы видим *одного бывшего литератора*, который бодро шагает ножками к лучезарному будущему... (Даниэль 2000: 270 сл.).

Желаемая референциальная интерпретация может также вытекать из нашего знания о мире, ср. следующую цитату из интервью во время предвыборной кампании:

- (16) Эти политики уже накопили достаточный опыт, ясно увидели трудности, стоящие перед страной, получили определенную известность у россиян и их доверие. Опыт управления такой сложной страной, как Россия, у них маловат. Но в команде *умелого, много испытавшего, сумевшего сломать* тоталитарный коммунистический режим и дать людям реальные свободы *президента* они приобретут его и, надеюсь, принесут немало пользы своему Отечеству (Горбачев, 4.6.1996 ННС).

Но при соответствующей семантике существительного возможна и определенная дескрипция в инференциальной роли. Об этом свидетельствует автореференциальное употребление лексемы *человек* в следующем примере:

- (17) Чего пристааете? Не видите, *человек* спешит! (Успенский 1970: 54)

Опоздавший на лекцию студент таким образом обращается к вахтеру, задерживающему его, причем он принимает перспективу собеседника (ср. цитату из Сталина в примере 13): именно с этой точки зрения он может себя самого обозначить как *человек*, тем самым порождая имплицитный призыв: «Войдите в положение!» Признак определенности возникает также за счет характеристик, подчеркивающих уникальность референта:

(18) Андрюша сидит над «воспоминаниями» и периодически часть их пишет заново — не строгость автора, не ворчание *первого читателя, первого редактора и первой машинистки (это все я)* — нет! Чужая воля и чужая рука. Они исчезают. То из дома — в Москве, то украдены с сумкой... (Боннер 1990; http://orel.rsl.ru/nettext/russian/saharov/sach_fr/ps1_1.htm)

Во избежание всякого сомнения здесь, однако, добавляется еще эксплицитная автореференция⁷. И наконец, по инференциальной модели построена также техника двойного референциального сдвига, представленная в контрастных примерах, таких как 3 (*его просят, а он...*).

4. Инклюзивная автореференция

Инклюзивная автореференция охватывает два резко различных подтипа: а) местоимение *мы* и его эллипсис вместе с притяжательными вариантами *наш/свой* и б) генерически употребляемые лексические единицы *ты 2, человек* и $\emptyset_{\text{люди}}$. Поскольку эти подтипы были уже освещены в (Weiss 2008), проиллюстрируем их здесь только вкратце. Лексема *мы*, казалось бы, по определению всегда включает говорящего. Тем не менее можно выделить целый ряд ситуаций, где последний как раз исключен из ее референциального потенциала (Апресян 1995: 646; Булыгина, Шмелев 1997: 328—333; Норман 2002; Weiss 2008: 372—375). *Мы* может также подвергаться элидированию, а в результате иногда возникают дву- или даже многозначные высказывания, вызывающие коммуникативную неудачу, см. пример в (Weiss 1993: 70). То же самое верно для опущения посессора *наш*. По критерию ис- или включенности адресата, обсужденному в (Szymański 1990, 81), можно выделить 8 разных ситуативных комбинаций, причем включение адресата факультативно сигнализируется вариантами *Мы с тобой / с вами* и *наш с тобой/с вами*, которые таким образом становятся двузначными (*мы* = 'я' или 'мы'). Кроме того, имеются неточные синонимы *наш брат* и *наша сторона* с более специфическими референциальными свойствами.

Лексема *ты 2* имеет, как известно, и нулевой вариант $\emptyset_{\text{ты2}}$. Распределение эксплицитного и нулевого варианта в литературе (ср., Булыгина, Шмелев 1997: 335—352) еще слабо изучено, но убедителен вывод, сформулированный в (Мельчук 1995: 187, 207—209), что пустому варианту следует припи-

⁷ Отметим попутно, что даже собственная фамилия может появиться в этом виде автореференции, ср. следующее высказывание мэра Берлина: «...obwohl ich vermute, dass ein regierender Bürgermeister Wowereit vor zehn Jahren noch nicht möglich gewesen wäre» (Tagesanzeiger, 18.3.04: 2)

сать статус не нулевого знака, а эллипсиса, который в зависимости от синтаксического окружения имеет обязательный, факультативный или запрещенный статус. Остальные свойства данной лексемы хорошо известны из названных работ: она включает говорящего⁸, обобщая его личный опыт, совместима с адресатным *ты I* либо вежливым *вы* в одном и том же предложении и носит разговорный характер, но может также появляться в публицистических жанрах или научном докладе. Не исключено и двузначное употребление, допускающее адресатное или обобщенное прочтение, ср.: «Здесь самообслуживание — сам *берешь* все, что *Тебе* надо». Следующий пример иллюстрирует любопытный случай чередования инклюзивной и прямой автореференции, обусловленного сменой темпоральной соотнесенности (переход от неактуального к актуальному плану и обратно):

- (19) Если *ты носишь* форму, служишь Марсу, у *тебя* и внешний вид должен быть соответствующий. Вот вы когда на *меня* смотрели (на пресс-конференциях в Тирасполе в 1992 году — НСН), у вас, я *уверен*, возникали мысли о бренности всего земного. В этом весь смысл. Должен быть создан образ, когда вот на *тебя* так смотрят со стороны и думают «свят, свят, свят» (А. Лебедь, 26.4.1996, Национальная служба новостей).

Нулевая лексема $\emptyset_{\text{люди}}$ имеет два денотативных статуса: если она оформляет неопределенную дескрипцию, она исключает говорящего, а если функционирует в составе генерического высказывания, то инклюдирует его. Генерическое употребление представлено в деонтических высказываниях типа *Лежачего не бьют* либо *Так не ведут себя*, но также в чистых утверждениях вроде *Солдатами не рождаются*; в таких ситуациях говорящий мыслит себя как часть данного социума. Кроме того, существуют упомянутые в начале статьи прагмафраземы *Тебе/Вам говорят* и *Вам звонят / вас беспокоят из...*, которые как раз исключительно указывают на говорящего. Случай со смещенной референцией типа *его просят, а он...* был уже подведен под рубрику инференциальной референции, см. раздел 3.

И наконец, «голое», не сопровождаемое определением слово *человек* в ед. ч. может использоваться как обозначение говорящего в контрастивных высказываниях типа «*Человек* только прилег отдохнуть, как опять звонят!» (Weiss 1997: 330—331), в которых содержится подобный призыв к эмпатии,

⁸ Это свойство снимается лишь в очень специфических контекстах вроде следующего, где одно $\emptyset_{\text{ты2}}$ противопоставлено другим: «Днем y_1 всегда крепко себя держу y_1 , из меня y_1 ни “оха”, ни вздоха $\emptyset_{\text{ты2}}$ не выжмешь y_1 , а ночью $\emptyset_{\text{ты2}}$ проснешься y_1 и вся $\emptyset_{\text{ты2}}$ подушка мокрая от слез» (Шолохов).

как в примере 17. Такое автореференциальное употребление является, по всей видимости, производным от генерического употребления, ср. «Должна же быть личная жизнь у человека!» или

(20) — Хорошо выгляжу? — Конечно// — Ну что вы/ смеетесь? Кирочка/ как не стыдно... над *старым человеком* смеяться// (PPP 1978, 113 сл.).

Но в вышеприведенной контрастивной фразе («*Человек* только прилег...») обобщение лишь образует фон для автореференции, выдвигающейся на передний план. Эта ситуация напоминает пример 3 («Его просят...») с такой же контрастивной семантикой. Таким образом, противопоставление говорящему другого референта способствует автореференции, обогащенной элементом эмпатии.

Пора подвести итоги. Этот обзор автореференциальных средств в современном русском языке не претендовал на полный охват всех возможных типов, но хотелось, по крайней мере, дать первое представление о богатстве и разнообразии этих средств. Большинство из них характерны не только для русского языка, они встречаются и в других (если не во всех) европейских языках. Это особенно верно для рассмотренных типов не прямой (косвенной, инференциальной или инклюзивной) референции. С другой стороны, удалось выделить и такие автореференциальные средства, которые исключительно свойственны русской речи, например, эмпатическое употребление лексемы *человек* и лексемы *моя, моя головушка, наш брат*, и другие, которые в других славянских языках подлежат большим ограничениям и представлены в меньшей мере; сюда относятся прежде всего рассмотренные здесь пустые знаки (эллипсис подлежащего или дополнения, нулевой вариант $\emptyset_{\text{ты}2}$, нулевая лексема $\emptyset_{\text{люди}}$), кроме того и конструкция *мы с тобой/ вами*⁹. И в заключение добавим, что именно за счет более высокой частотности нулей доля референциальной недоопределённости или многозначности в русском языке выше, чем в других славянских языках.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
 Боннер 1990 — *Боннер Е. Г.* Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке. М.: Интербук, 1998.
 Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М.: Языки русской культуры, 1997.

⁹ Эта конструкция отмечена только в польском языке при почти полном отсутствии эквивалента русского варианта *наш с тобой*.

- Даниэль 2000 — Даниэль Ю. Я всё сбиваюсь на литературу... Письма из заключения. Стихи. М.: Звенья, 2000.
- Добренко 2000 — Добренко Е. Между историей и прошлым: писатель Сталин и литературные истоки советского исторического дискурса // Гюнтер Х., Добренко Е. (отв. ред.). Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 639—672.
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Занадворова 2003 — Занадворова А. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Крысин Л. П. (отв. ред.) Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277—340.
- Земская 1987 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987.
- Мельчук 1995 — Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.; Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Норман 2002 — Норман Б. Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // Russian linguistics. 26(2). 2002. С. 217—234.
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Рахилина 2010 — Рахилина Е. В. Конструкция с дательным посессивным // Лингвистика конструкций. Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.
- Успенский 1970 — Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Наука, 1970.
- Шмелев 1996 — Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка. Tampere: University of Tampere, 1996.
- Шмелев 1998 — Шмелев А. Д. Типы «невывраженных валентностей» // Семиотика и информатика. 1998. 36. С. 167—176.
- Berger 1989 — Berger T. Die transphrastische koreferentielle Subjekts- und Objektsellipse im Russischen // Girke W. (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1988. München: Sagner, 1989. S. 9—34.
- Broch, Jahr 1984 — Broch I., Jahr E. H. Russenorsk: a new look at the Russo-Norwegian pidgin in Northern Norway // Ureland P. St. e.a. (eds.). Scandinavian Language Contacts. Cambridge, 1984.
- Lunden 1978 — Lunden S. S. Russenorsk revisited. Oslo, 1978.
- McShane 1999 — McShane M. J. The ellipsis of accusative direct objects in Russian, Polish and Czech // Journal of Slavic Linguistics. 1999. 7(1). P. 45—88.
- Meyer 2009 — Meyer R. Zur Geschichte des referentiellen Nullsubjekts im Russischen // Zeitschrift für Slawistik. 2009. 54. S. 375—397.
- Mikaelian 2002 — Mikaelian I. La possession en russe moderne. Eléments pour la construction d'une catégorie sémantico-syntaxique. Paris: ANRT, 2002.
- Mühlhäusler 1986 — Mühlhäusler P. Pidgin & Creole Linguistics. Oxford, 1986.
- Neumann 1966 — Neumann G. 1966. Zur chinesisch-russischen Behelfssprache von Kjachta // Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1966. 12.

- Nichols 1985 — *Nichols J.* The Grammatical Marking of Theme in Literary Russian // *Flier M., Brecht R. D.* (eds.). *Issues in Russian Morphosyntax*. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1985. P. 170—186.
- Nichols 1993 — *Nichols J.* Stereotyping interethnic Communication: The Siberian Native in Soviet Literature // *Diment G., Slezkine Yu.* (eds.). *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, 1993.
- Seo 2001 — *Seo S.* The frequency of null subject in Russian, Polish, Czech, Bulgarian, and Serbo-Croatian: an analysis according to morphosyntactic environments. Ph.D. dissertation. Indiana University at Bloomington, 2001.
- Szymański 1990 — *Szymański M.* Znaczeniowa kategoria osoby // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 1990. 26. P. 75—82.
- Weiss 1993 — *Weiss D.* Die Faszination der Leere. Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // *Zeitschrift für Slavische Philologie* LIII (Beiträge zum XI. Internationalen Slavisten-Kongreß, Bratislava). 1993. S. 48—82.
- Weiss 1997 — *Weiss D.* Russisch *čelovek*: Versuch eines referentiellen Porträts // *Kosta W., Mann E.* (Hrsg.). *Slavistische Linguistik 1996. Referate des XXII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens*. Potsdam 26.—29.9.96. München: Otto Sagner, 1997. S. 309—365.
- Weiss 2008 — *Weiss D.* L'autoréférence en russe contemporain // *Roudet R., Zaremba Ch.* (éd.). *Questions de linguistique slave. Etudes offertes à M. Guiraud-Weber*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2008. P. 367—382.
- Weiss 2012 — *Weiss D.* The lazy speaker and the fascination of emptiness: colloquial Russian from a typological perspective // *Proceedings of The 6th Congress of the Slavic Linguistics Society*, Aix-en-Provence, France, 1-3 of September, 2011. Aix-en-Provence, 2012.
- Zdorenko 2009 — *Zdorenko T.* Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus // *Gries S. et al.* (eds.). *Corpus-linguistic applications. Current studies, new directions*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2009. P. 119—133.